

УДК 165.242:159.923

Ковалевська О. В.

ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС ПРОБЛЕМЫ КРИЗИСНОСТИ МАРГИНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

В статье рассматриваются проблемные аспекты кризисности маргинального сознания, выделяется психологический ракурс темы, анализируются способы выхода из кризиса маргинального сознания.

Ключевые слова: маргинальность, кризис, однополушарное мышление, воспитание, образование.

У статті розглянуто проблемні аспекти кризовості маргінального свідомості, виділено психологічний ракурс теми, проаналізовано способи виходу з кризи маргінальної свідомості.

Ключові слова: маргінальність, криза, однопівкулеве мислення, виховання, освіта.

The paper describes problematic aspects of crisis of marginal consciousness, stands out psychological themes perspective, and analyzes ways out of the crisis of marginal consciousness.

Keywords: marginality, crisis, one-hemisphere thinking, education.

«Мы все имеем вид путешественников. Ни у кого нет определенной сферы существования, ни для чего не выработано хороших привычек, ни для чего нет правил; нет даже домашнего очага; нет ничего, что привязало бы, что пробуждало в нас симпатию или любовь, ничего прочного, ничего постоянного; все протекает, все уходит, не оставляя следа ни вне нас, ни внутри нас. В своих домах мы как будто на постое, в семье имеем вид чужестранцев, в городах кажемся кочевниками, и даже больше, нежели те кочевники, которые пасут стада в наших степях, ибо они сильнее привязаны к своим пустыням, чем мы к своим городам». Наверное, эти слова П.Я. Чаадаева, сказанные им в «Философических письмах», легли в основу современного представления о маргинальности как явления, свойственного современному состоянию определенной части социума.

Сегодняшний массив философской, психологической и социологической литературы достаточно подробно проанализировал феномен маргинальности, пространство и содержание маргинальных ситуаций, стратегий маргинального поведения. Однако имеет место определенное запаздывание теоретического осмысления проблем выхода из маргинального состояния, особенно в аспекте преодоления кризисности маргинального сознания, решение которых позволит человеку достичь адекватного самоопределения и сохранить во множестве социальных ролей свою уникальность и идентичность.

Целью данной статьи является аналитика выше обозначенной проблематической зоны в контексте осмысления вероятных причин кризисного состояния маргинального сознания и указания возможных способов преодоления деформации сознания субъекта, который в силу жизненных обстоятельств оказался на «осевой» линии жизненной дороги.

Сегодня понятие маргинальности служит для обозначения пограничности, периферийности или промежуточности по отношению к каким-либо социальным общностям (этническим, культурным). Классическим образчиком фигуры маргинала выступает человек, пришедший из деревни в город в поисках работы, или провинциал, пытающийся завоевать столицу; они уже отказались от своей укорененной рождением и воспитанием субкультуры, но новую еще не усвоили. Именно поэтому главным признаком маргинализации становится видоизменение социальных связей, когда в «классическом» варианте последовательно рвутся экономические, социальные и культурные основания, а при включении субъекта в новую социальную общность эти связи в той же последовательности и формируются, причем, как правило, установление социальных и духовных связей значительно отстает от созидания связей экономических.

Как известно, устоявшееся бытие – постоянное место жительства и работы, нормальная среда обитания, семья с установившимся эмоционально-психологическим контекстом – укореняет и устойчивый тип социальных связей. Они достаточно интенсивны, непосредственны и в то же время однозначны, монолитны, замыкаются в рамках одной и той же общности, в которую включена вся жизнедеятельность индивида: труд, досуг, межличностные отношения, общение. В таких устойчивых и самовоспроизводящихся, тесно слитых человеческих общностях вырабатывается четкая иерархия ценностей, осознаются групповые нормы и интересы, сливающиеся со временем в историческую культурную память. Если происходит разрыв социальных связей и человек начинает жить одновременно в двух мирах, не принадлежа ни к одному из них, наступает состояние аномии – качество внутреннего содержания, когда лишённое корней, уходящих в семейную, общинную, профессиональную мораль, человеческое «Я» расплывается: мотивы поведения начинают формироваться в отрыве от ценностей устойчивой группы, т. е. в значительной степени лишаются смысла. Публично одобряемые цели и идеи, не превращаясь во внутренние убеждения, становятся формальной условностью, с которой в меру необходимости надо считаться, но брать ее за основу «попросту глупо». Происходит как бы размывание ранее усвоенных общественных установок: «ум» оказывается не в ладу с «сердцем», а сознание – с поведением. Мораль перестает править поступками, уступая место пользе, удобству, выгоде, а иногда даже физиологической потребности. (В этом лежит основание объяснения «немотивированной» жестокости и «бессмысленных» преступлений.)

Таким образом создается маргинальная ситуация как нечто довлеющее над человеком, навязанное ему внешними силами и требующее менять смысложизненную рефлексию. Она же порождает феномен жизненной трудности и в дальнейшем накладывает отпечаток на содержание внутреннего мира личности, и даже кажущаяся внешняя благополучность (карьерный рост в профессии, наличие семьи и дружеских привязанностей) не может затушевать те скрытые психологические деформации, которые имеют обыкновение проявляться самым неожиданным образом и в самое неподходящее время. Не случайно одной из излюбленных тем в сфере психологии является проблема кризиса среднего возраста – того состояния сознания, когда происходит коренная ломка устоявшихся взглядов на жизнь через призму

разочарования в их содержании именно потому, что не выработаны принципиально важные жизненные смыслы. Когда личность ощущает некую раздвоенность в осмыслении своей жизненной позиции и доминантным состоянием оказывается неуверенность и следующая за этим замкнутость на собственных переживаниях часто надуманных драматических обстоятельствах жизни, человек попадает в ловушку психотравмирующей концепции, которую уже самостоятельно не всегда может преодолеть.

К числу факторов, имеющих отношение к причинам появления кризисных черт маргинального сознания, можно отнести и психофизиологическую его определенность, выражающую себя в специфической конструкции существования сознания и психики в форме однополушарности мышления. Современные поисковые системы, к сожалению, сегодня обходят вниманием этот вопрос и на поиск запроса «однополушарное мышление» отвечают ссылкой в вопросительной форме: «Возможно, вы имели в виду двуполушарное мышление?» – а затем перечисляют наименование проблематических зон в виде статей об однополярности и многополярности мышления. Причем разъяснение этих понятий явно уходит в политическую плоскость и затрагивает современные межгосударственные отношения и даже военно-политические аспекты их взаимодействия. Между тем, проблема однополушарности мышления активно обсуждалась в 80-х и 90-х гг., правда, скорее в контексте патологических состояний детской психики, но выводы, сделанные в результате их практических исследований, вполне могут претендовать на свое использование в контексте проблематики маргинального сознания.

Суть проблемы в следующем. Однополярным считается мышление в том случае, когда в функционировании психических процессов принимает участие одно полушарие, преимущественно левое, а правое как бы «дремлет», т. е. позиционирует себя очень слабо. Активность левого выражает себя во внешне фиксируемой интеллектуальной сохранности личности, качественной работе зон памяти и речи, пространственно-временной координации, некоторой способности к творческой деятельности и т. д. Внешнее наблюдение не фиксирует никакой патологии. Однако более внимательное исследование обнаруживает некоторую деформацию состояний, которую трудно причислить к патологическим нарушениям психики, потому что они скорее выражают себя в едва уловимых деталях личностных характеристик субъекта. Человек слабо ориентируется в тонкостях моральных измерений общения, его сознание смешивает критерии различия добра и зла; и, хотя это происходит не в очень явной форме, с течением времени тесный план общения начинает понимать, что имеют место какие-то странности.

В качестве ремарки, которая на первый взгляд имеет весьма отдаленное отношение к обсуждаемой теме, хотелось бы привести пример отношения к данной проблеме в организации учебного процесса в Хьюстонском авиационном колледже. Название этого учебного заведения настраивает на мысль об абсолютной приоритетности дисциплин, имеющих прямое и непосредственное отношение к авиационной проблематике. Так, кстати, и происходит в отечественной парадигме высшего образования, где дисциплинам гуманитарного содержания отводится самое второстепенное место. Американская методика подразумевает более прагматичный

подход к развитию интеллектуальных характеристик обучающегося субъекта, для чего желательным и далее требуемым является гармоничное развитие личности, в нашем случае, обоих полушарий коры головного мозга, которые во взаимной обусловленности обеспечивают положительную и продуктивную динамику своего взаимодействия.

Многочисленные исследования физиологии высшей нервной деятельности показали, что левое полушарие находится в сильной зависимости от работы правого, которое «отвечает» за образность, интуицию, целостность восприятия предмета, воображение и творческие способности, разбирается в тонких смыслах эстетического созерцания, а значит, способствует формированию эстетического вкуса и далее ощущению моральных нюансов в системе человеческого общения. Для продуктивности левого полушария как раз и необходимым является качество правого, которое, функционируя в своем полном качестве, обнаруживает одну замечательную особенность – «подталкивает» левое, заставляя его работать более эффективно. В этом плане известны результаты уже и отечественных исследований, проведенные среди учащихся средней школы, обнаруживающие зависимость оптимальных стратегий и скорости решения математических задач в зависимости от музыкального образования школьников. Они показали, что дети, которые учатся в музыкальной школе, значительно быстрее и с минимальным количеством операций решают математические задачи сложного уровня (в учебниках они обозначаются звездочкой). Данная закономерность была учтена нашими заокеанскими партнерами, которые и поставили изначально задачу развития правого полушария, для чего и разбавили дисциплины технического содержания мощной гуманитарной составляющей. Студенты могли себя проявить в таких дисциплинах, как «Тема любви во французской литературе», «Лирика Пушкина», «Современные тенденции в искусстве кино», «Актуальность содержания итальянского неореализма в творчестве Ф.Феллини» и т. д. Такой на первый взгляд странный подбор учебных дисциплин как раз и решает ту главную задачу, которая не указана в планах учебных программ, но, в конечном счете, приводит к продуктивной «сверхзадаче» – организации качества работы левого полушария. Оно незаметно совершенствует гипотетико-дедуктивную модель рассуждения, приводит к нестандартным логическим ходам и генерирует инновации в рассмотрении проблем, ранее казавшихся понятными и традиционными.

Такой подход оказывается весьма плодотворным еще и потому, что приводит к длительному устойчивому состоянию равновесного функционирования обоих полушарий, что имеет определенное значение и для психоневрологического состояния здоровья человека. Применительно к означенной проблеме маргинальности указание на однополушарность мышления поворачивает контекст рассуждения в исследование личностных особенностей индивида, которые при близком и тщательном рассмотрении проявят определенную типизацию черт кризисного маргинального сознания.

Здесь и обозначается ключевая проблема: как снять или, скорее, сжать внутренний конфликт и обрести достаточность определенности своего «Я» и возможно ли вообще это?

Действительно, человек существует в сложных и противоречивых обстоятельствах жизни на любом ее этапе. Ситуация тем более усугубляется, если контекст жизненных условий проявляет явление маргинальности и сознание субъекта оказывается в противоречивой когнитивной и психологической определенности. Естественно, что влияние различных культурных ориентаций и ценностей, существование одновременно в различных и не похожих друг на друга социальных группах, каждая из которых диктует свою модель поведения и контекст внутригрупповой роли, приводит к состоянию интеллектуального и психологического дискомфорта. Кроме того, наложение ролевых версий делает человека «актером поневоле» (недаром так любят ссылаться на известные строки Шекспира) и переводит внутренний конфликт на более высокую ступень.

В этот момент обнаруживается необходимость наличия личностного «Я» – интеллектуально-нравственного волевого центра, пропускающего через себя весь психологический мир личности с позиции внутреннего цензора. И именно в этот момент человек нуждается в механизме преодоления внутренних конфликтов, негативов и личностных противоречий.

К счастью, история и культура выработали способы, помогающие человеку обрести свою «самость», найти детерминанту своего «Я» и, тем самым, обеспечить некую внутреннюю устойчивость как собственную идентичность. Данные средства, хотя и не являются абсолютно необходимыми, но выступают как достаточно универсальные, – это воспитание как целенаправленное воздействие на человека с целью созидания его нравственно-эстетического потенциала и образование как социокультурный процесс формирования ментально-интеллектуального потенциала личности и далее образованность как его результат (в скобках заметим, что образованность не всегда является следствием образования, но в идеале будем считать, что это именно так).

Проблема воспитания здесь выступает не в качестве поисков адекватного педагогического приема воздействия на незрелое сознание ребенка. Она понимается в более широком смысле – как формирование его духовного мира, адекватного психологического портрета, способности к глубокому духовно-душевному переживанию, которое станет стержнем содержания его жизненного мира. Это достигается долгим и кропотливым трудом родительского авторитета, ненавязчивым акцентом учительского менторства и, главное, самой работой личности по развитию в себе способности сначала к переживанию, а потом к сочувствию и сопереживанию.

Мы все помним замечательную мысль Аристотеля о том, что эстетика является матерью этики. Действительно, способность видеть красоту в вещах далее переходит в более глубокое качество – в умение видеть тонкие смыслы в человеческих отношениях, очерчивать границы возможного в общении, постигать тайну тактичности в коммуникации с себе подобными. Именно поэтому первостепенной задачей воспитания является научение ребенка процессу переживания, вчувствования в тонкость и иронию смысла, который требуется постичь развитому сознанию. Для этого необходимо погружение ребенка в мир искусства и творчества, которые включают правое полушарие и станут стимулом работы левого. Тогда же и начнет функционировать зона, отвечающая за моральные характеристики человека, а в целом

личность окажется погруженной в план гармоничного саморазвития.

Что касается образования, то, если традиционный вектор образования нацелен скорее на масштаб и объем овладения информацией, что в конечном счете формирует адаптационные и далее прагматические способности ориентирования в социальном континууме с множеством его трансформаций, современная его стратегия разворачивает себя в план внедрения в социальное и индивидуальное сознание идеи о ценности и самооценности личности, смыслом которой является ее креативная и продуктивная самореализация.

Понятно, что человек всегда детерминирован наследственными задатками и условиями воспитания (то есть, несвободен внутренне). Но он в то же время свободен в выборе принятия решений относительно своего социального действия. Свободу выбора обеспечивает рефлексивный план сознания, позиционирующий себя в формах критического мышления. Именно оно является доктринальной основой, способствующей осмыслению интересов человека в процессе собственной социальной модернизации, поскольку позволяет оценить совокупность проблем, не дающих личности развиваться в искомом направлении. Иными словами, критическое мышление выступает как условие движения к собственной адекватности, т. к. решает задачи не только профессионализации индивидуальных социальных запросов, но и «работает» в плане «сверхзадачи»: помогает сконструировать субъекту собственный социально-психологический образ (автопортрет в метафизическом смысле этого слова).

Процесс же образования, формирующий указанное предназначение критического мышления, ко всему прочему, вылепливает тонкую и точную, едва ощущаемую интуицией, линию эмоционально-психологического состояния, которая выполняет главнейшее свое предназначение: выступает в роли защитного механизма психики и предупреждает проявление ее фрустрационных моментов.

Таким образом, на первый взгляд кажется, что образование с его достаточно строгой академично стандартизированной последовательностью этапов несколько нивелирует уникальность обучающейся субъективности и воплощает себя в неповторяющемся универсуме анонимных смыслов, не всегда подающихся расшифровке и самим носителем этих смыслов. Однако, в этом его загадочность и парадокс: образование конституирует определенную одинаковость восприятия общественных концепций и обычаев, выступающих основой общности и социальной коммуникации социальных и индивидуальных субъектов, и в то же время задает уникальную «биографическую ситуацию», позволяющую понимать мир совершенно непохожим друг на друга образом. Эта непохожесть когнитивных стратегий в единстве и многообразии способна реализовать себя только через фактор коммуникации, который, в свою очередь, является основанием для самовосприятия личности (любая оценка самого себя невозможна без сравнения себя с другими, она же становится и условием социализации личности, умения ориентироваться в межкультурном пространстве социума с сохранением себя как целостности). Таким образом, образованный (окультуренный, социализированный) субъект становится носителем адекватного ментального и деятельностного позиционирования, что и означает преодоление кризисности маргинального сознания в пользу гармонии

духовной и практической стороны в жизнедеятельности личности.

Литература:

1. *Бердяев Н. А.* Самопознание / Н. А. Бердяев. – Москва : Эксмо-пресс; Харьков : Фолио, 1998. – 621с.
2. *Иванов В. П.* Мироззрение как форма сознания, самоопределения и культуры личности [Текст] / В. П. Иванов // Мироззренческая культура личности. – Київ : Наукова думка, 1986. – С. 43.
3. *Кнабе Г. С.* Город как социокультурное явление исторического процесса / Г. С. Кнабе. – Москва : Наука, 1995. – 250 с.
4. *Поппер К.* Открытое общество и его враги [Текст] : 2 т. / К. Поппер ; пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. – Москва : Феникс : МФ «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.
5. *Рокмор Т.* Маркс после марксизма: Философия Карла Маркса / Т. Рокмор. – Москва : «Канон+» ; РООИ «Реабилитация», 2011. – 400 с.
6. *Тягло А. В.* Критическое мышление: Проблема мирового образования XXI века / А. В. Тягло, Т. С. Воропай. – Харьков : Изд-во Ун-та внутренних дел, 1999. – 284 с.
7. *Халперн Д.* Психология критического мышления / Д. Халперн. – 4-е междунар. изд. – Санкт-Петербург : Питер, 2000. – 512 с.
8. *Чаадаев П. Я.* Философические письма / П. Я. Чаадаев. – Москва : Наука, 1998. – 350 с.

Надійшла до редакції 25.08.2016. Розглянута на редколегії 19.09.2016

Рецензенти:

Доктор філософських наук, професор, декан гуманітарного факультету Національного аерокосмічного університету ім. М.Є. Жуковського «ХАІ» Копилов В.О.

Доктор філософських наук, професор ХАІ, професор кафедри філософії Національного аерокосмічного університету ім. М.Є. Жуковського «ХАІ» Кузнецов А.Ю.